

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Э47

Bella Ellis

THE VANISHED BRIDE

The Vanished Bride © Bella Ellis, 2019

Эллис, Белла.

Э47 Пропавшая невеста / Белла Эллис ; [перевод с английского Н. В. Екимовой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с. — (Тайны сестер Бронте).

ISBN 978-5-04-110061-2

Йоркшир, 1845 год. Слух о жестоком убийстве потряс вересковые пустоши. Убита молодая Элизабет, только что ставшая второй женой Роберта Честера, — но тело пропало, осталась лишь огромная лужа крови. Это поразило Шарлотту, Эмили и Энн Бронте, дочерей скромного пастора, изнывающих от скуки в отцовском доме. Они решают освоить новомодную профессию детектива, которая и мужчинам-то не всем по зубам. Изобретательно расследуя таинственное исчезновение, на каждом шагу сестры Бронте сталкиваются с устоями общества, где считается, что женщине место только на кухне и в супружеской постели.

...Когда убивают женщину, никто не встает на защиту несчастной, просто еще одна жизнь гаснет, словно свеча на ветру, и это считается в порядке вещей. Покойной Элизабет нужен голос, и сестры Бронте станут им...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Екимова Н.В., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-110061-2

Порой сердца переполняют
Надежды, тайные мечты;
Когда секрет их раскрывают,
Не остается красоты¹.

*Шарлотта Бронте,
«Вечерние утехи».*

¹ Перевод Фриды Шутман.

*Дом пастора в Хоэрте,
декабрь 1851*

Плотнее закутавшись в шаль, Шарлотта передвинула подставку для письма и вновь обмакнула перо в чернила. Но, как это случалось уже не раз, рука зависла над чистым листом, словно писать было невыносимо в лишенном радости доме.

Стояла тишина, даже огонь в камине горел бесшумно и тускло. Папа был у себя в кабинете, как и почти всегда в последние дни. Табби с Мартой ушли на кухню запереть окна и двери на ночь, хотя часы на лестнице показывали всего семь. Темнота уже навалилась на маленький дом снаружи и со скрипом терлась тяжелой шкурой о стекла. В трубе громко выл ветер, но Шарлотта слышала лишь молчание. Чувствовала лишь пустоту. Знала лишь утрату.

Любимого пса Эмили, Кипера, тоже не было, никто не нарушал тишину сопением и лаем, не тянул Шарлотту зубами за подол. Зато она больше не видела его глаз, когда пес, услышав, что открывается дверь, смотрел на нее с мольбой и надеждой — вдруг войдет хозяйка; да и сама Шарлотта, почувствовав свежую струю воздуха из передней, не оживлялась, зная: Эмили не вернется с прогулки по пустоши. О, как ей не хватало их бывшего товарищества и под-

держки, которые, как казалось раньше, будут с ней всегда!

Как недавно и в то же время неизмеримо давно кончилось то время, когда она делила с сестрами и братом не только отцовский кров, стол, но и всю жизнь. Здесь они говорили, писали, любили и раздражали друг друга так неистово, что весь мир, казалось, почтительно отступил, ожидая, когда же они насытятся обществом друг друга.

Здесь они смеялись и спорили, пока Шарлотта писала «Джейн Эйр», а ее сестры — свои романы, и никто не догадывался тогда, какие бури и невзгоды ворвутся вскоре в их скромную, незаметную жизнь. Теперь, когда Эмили, Энн и Бренуэлл отошли в лучший мир, существование в одиночестве стало для Шарлотты обузой.

И все же...

Уголки рта Шарлотты изогнулись в слабом подобии улыбки, когда она стала вспоминать приключения, которые выпали на их долю, тайны, которые они раскрыли, и секреты, которые они сохранили.

По обе стороны океана, в светских гостиных Лондона и на званых вечерах Нью-Йорка, только и разговоров было, что об «этих сестрах Бронте», которые осмелились показать в своих романах таких страстных и гордых героинь. Сначала многие усомнились, что так писать о женщинах могли мужчины, позже, когда псевдонимы были раскрыты, другие наотрез отказались верить в то, что авторами этих книг были женщины, ибо что могут они знать, тем паче рассказать о жестокости и беспросветном мраке?

В который уже раз Шарлотта улыбнулась, думая о том, как мало знали о них эти люди. Как далеки от истины были их представления о ней и ее сестрах.

Сестры и брат умерли. И никто не знал их так, как Шарлотта. Ни одно воспоминание обо всем страшном и необычном, свидетелями чего им довелось стать, не было доверено бумаге, а письма, которые могли бы пролить свет на их приключения в поисках тайны и ключа к ней, Шарлотта своими руками предала огню, все до единого.

И когда, по бесконечной милости Создателя, Шарлотта отправится на встречу с сестрами и братом, все произошедшее с ними в то волнительное и славное время — последние годы, которые они провели вместе, — умрет с нею. Никто никогда не узнает об их приключениях. О том, что за тонким стеклом, дрожавшим в оконной раме при каждом порыве ветра, она видела все человечество, которое мчалось вперед со скоростью урагана, увлекаемое вихрями жизни и смерти. И все его тайны, даже самые мрачные, были перед ней как на ладони, главное — знать, куда смотреть.

Чуть заметно улыбнувшись, Шарлотта поднесла к бумаге перо, вновь готовое к сотворению мира из чернил, и подумала, что не было на свете человека, который прожил бы такую богатую приключениями и опасностями жизнь, как они — три сестры из безвестной деревни посреди продутой ветрами, дикой вересковой пустоши.

Такова их тайна, которая никогда не будет раскрыта и навсегда сохранит свою прелесть.

ПРОЛОГ

Сначала Матильда Френч увидела вот что: из-под двери в коридор медленно текла густая темная жидкость, и ее было много. Озадаченно поглядев на нее, девушка почувствовала запах железа, как в тот день, когда умерла мать, и она поняла — это кровь.

Матильда не завизжала и не потеряла сознание, сделав такое неожиданное и страшное открытие в предутренней сонной тишине — нет, она застыла, потрясенная. А после, словно под действием месмерической силы, протянула руку к двери и, как всегда, дважды постучала в нее костяшками пальцев.

— Мадам? — Подошвы ее туфель шелкали по липким половицам, коридор был темен, в углах затаились тени. Голос изменил девушке, и она шепотом задала вопрос, бессмысленный перед лицом открывшегося ужаса: — Миссис Честер, у вас ничего не случилось?

Девушка толчком распахнула дверь и увидела пустую комнату, где не было ни следа хозяйки, зато крови столько, что у Матильды невольно захватило дух: как бы не захлебнуться.

Когда ее глаза привыкли к полумраку, она разглядела, что кровать хозяйки пуста, а постель от подушки

до изножья залита чем-то похожим на чернила: словно огромная бабочка опустилась на середину и распростерла чудовищные крылья по краям.

Дрожа и все еще задерживая дыхание, Мэтти прошла через комнату к окну, где раздвинула тяжелые портьеры, щелкнула задвижкой, впуская в комнату холодный сырой воздух, и лишь тогда сделала судорожный вдох. Первый робкий свет раннего утра просочился в комнату, когда Мэтти нашла в себе силы повернуться лицом к пустой постели, и очевидность открылась ей во всей своей ужасающей наготе.

Здесь произошло убийство.

Хоэрт, 1845

ШАРЛОТТА

— Эмили, не стой здесь, — со смехом воскликнула Шарлотта, врезавшись в спину рослой сестры, которая так глубоко ушла в свои мысли, что сама не заметила, как остановилась. — Нашла время!

В последние недели у них троих вошло в привычку ходить вокруг маленького обеденного стола, вслух проговаривая свои мысли, прядя ниточку каждая своего замысла, покуда им не начинало казаться, что слова повисают у них над головой в облаке дыма от камина, освещенные его пламенем.

Название «столовая» было слишком торжественным для этой комнаты: и без того узкая, она стала совсем тесной, когда сюда внесли нарядный круглый стол и потертый черный диван. Обои выбирала Шарлотта, она же повесила над диваном портрет своего героя, адмирала Нельсона: надменно приподняв аристократический нос, он смотрел на них сверху вниз и хотя с пренебрежением, но все же наблюдал за их жизнью.

— Шарлотта, я тут подумала... — Эмили повернула голову и взглянула на сестру чудными серо-голубыми глазами, которым та всегда завидовала. — Да, это хорошая мысль, даже отличная, дай-ка я ее запишу, пока не забыла. Пусти. — Отодвинув стул, она села и

склонилась над листами бумаги, лежавшими как раз на букве «Э», которую сама Эмили, еще совсем малышкой, вырезала в столешнице красного дерева. Другой отец непременно высек бы дочь за такой проступок, подумала Шарлотта и вспомнила, как сестра, сообразив, что натворила, целое утро прикрывала ладошкой испорченное место. Но им повезло: их папа увлеченно учил своих детей, развивал в них наклонности к творчеству, и потому поцарапанный стол оказался для него сущим пустяком в сравнении с тем, что его дочь пишет свои первые буквы.

Сдерживая улыбку, Шарлотта и Энн переглянулись и снова пошли вокруг стола, причем за ними увязалась любимица младшей, собачка Флосси. Тем временем Эмили, нетерпеливо скрипя пером, поверяла свои мысли бумаге с такой же страстью, с какой делала в жизни все. В камине весело потрескивал огонь, а за окнами пасторского дома поливал дождь, да так, что капли барабанили в стекло, будто кто-то бросал в него галькой, пригоршню за пригоршней. Ниже по склону холма съезжился на жестоком ветру Хоэрт.

Стояло обычное йоркширское лето.

— Ничего сегодня не выходит, — разочарованно вздохнула Шарлотта, подошла к окну и стала глядеть на разбросанные по склону могильные камни — те так накренились вперед, в сторону церкви и деревни, словно их толкали мертвецы, торопясь выбраться из-под них и вернуться домой. — Голова, как чистая страница, такая же пустая и бессодержательная. Точнее, содержимое в ней есть, но это все чувства, а они мешают мысли. Пары приличных строк, и то не сочинить.

— Ну так научись думать чувствами, — бессвязно бросила Эмили, пока ее перо плясало по бумаге, оставляя на ней корявые, испещренные кляксами строки,

которые неизменно приводили в отчаяние аккуратную Шарлотту. Зато Эмили непринужденно заполняла своими стихами целые тетради, ревниво храня их от всех. Больше всего она писала о Гондале, фантастическом королевстве, которое они с Энн придумывали в детстве, когда Бренуэлл и Шарлотта создавали свою Ангрию. Шарлотту особенно поражало страстное упорство сестры, продолжавшей жить в выдуманном мире, хотя Бренуэлл, Шарлотта и даже Энн уже давно оставили позади детские сказки. Куда бы ни отправилась Эмили, вокруг нее тотчас возникал Гондал, жители которого значили для нее не меньше, чем люди из плоти и крови, с сердцами, бьющимися в груди. Больше того, всякое столкновение с неизбежными требованиями повседневности Эмили рассматривала как большое неудобство. Ее воображение было ее свободой, с завистью понимала Шарлотта, сожалея о собственной неспособности оставить заботы брэнного мира и целиком уйти туда, где все совершается по ее воле. Туда, где никто не разбил бы ей сердце.

— Садись, отдохни. — Рука Энн скользнула под локоть Шарлотты — малышка точно знала, о чем, вернее, о ком грустит старшая сестра, хотя и ни за что не осмелилась бы произнести его имя вслух, так же как Шарлотта никогда не осмелилась бы его назвать. Но каждый ее лишенный упругости шаг, каждое движение и взгляд, — все выдавало ее потерю и тоску по тому, с кем она не могла быть. — Займись чем-нибудь, что тебя развлечет: почитай книгу или вот лондонскую «Таймс», — номер совсем свежий, всего двухдневный, и в нем есть любопытная статья о новой профессии «детектив», который решает преступные загадки.

— Наверное, ты права, Энн, — кивнула Шарлотта, опускаясь на стул напротив Эмили. — У меня дей-

ствительно есть несколько писем, которые требуют ответа.

Шарлотта думала о последнем письме своему бывшему наставнику, месье Эгеру: она вложила в него всю себя — и душу, и тело. Но он не ответил. Напрасно она живописала мучения своего разбитого сердца, напрасно молила хотя бы о крохе сострадания — он не ответил. Да и как он мог? Ведь он человек женатый. Но все же... Закрыв глаза, Шарлотта сосредоточилась на душевной боли, готовой в любую секунду выплеснуться наружу, представила ее в виде листа бумаги, мысленно сложила его в несколько раз, затем расправила, вновь сложила, так что он стал крохотным, как те игрушечные книжки, какие они делали в детстве, и засунула его в щель между кирпичами непробиваемого спокойствия, стеной из которых она окружила себя в последнее время. Если бы она этого не сделала, несчастье поглотило бы ее целиком, задушило бы ее. Так она находила в себе силы терпеть ту боль, которую доставляла ей безответная любовь, и выносить безразличное молчание возлюбленного.

— Держитесь крепче, сестренки. — Дверь распахнулась, и в комнату шагнул Бренуэлл, а с ним и ненастный вечер — капли дождя стекали по носу брата, красно-рыжие волосы прилипли к бледной коже, одежда распространяла крепкий запах пива и табачного дыма. — Бросайте свою глупую девчачью болтовню и готовьтесь выслушать ужасающую весть!

— Что, в «Быке» наконец-то кончился джин? — Эмили окинула брата взглядом, когда тот опустился рядом с ней на стул и встряхнулся, точно мокрый пес.

— До Хоэрта дошел слух о том, что совершилось убийство. — При этих словах глаза Бренуэлла сверкнули кровавым восторгом. — Мне рассказал об